

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

МАКСИМ
МИЛОВАНОВ

Максим Милованов

Детская комната

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Милованов М.

Детская комната / М. Милованов — «Издательство «Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-662-8

«Детская комната» – символ детства. У кого-то это яркие игрушки и море родительской любви, а у кого-то канализационный коллектор и закон джунглей. «Детская комната» – пронзительная история двенадцатилетнего подростка, сбежавшего из дома и нашедшего приют в банде малолетних бродяжек по прозвищу «Червяки». Многие скажут: «Подобное случается с кем угодно, только не с моим ребенком». В таком случае повесть стоит прочесть дважды. «Детская комната» – приквел, давший начало популярной остросюжетной серии, обращенной к проблемам взаимоотношений «отцов и детей». Четыре книги данной серии «Кафе «Зоопарк», «Естественный отбор», «Рынок тщеславия» и «Неоновый мир» завоевали немало наград, но все началось именно с нее... «Детская комната» – прививка против родительских заблуждений.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-662-8

© Милованов М., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Побег номер пять	6
«Потерянные» дети	9
Червяки	12
«Потерянные» родители	16
Скажи детству «прощай»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Милованов

Детская комната

© Милованов М., 2018

* * *

Побег номер пять

Битком набитый старенький ЛАЗ медленно полз в гору. Мотор натужно завывал, в салоне воняло бензином и жженой резиной. Но что такое плохие запахи, когда на улице минус двадцать. Главное – в автобусе было тепло. Особенно повезло тем, кто расположился на широком, напоминающем диван заднем сиденье, из-под которого струился горячий воздух. Счастливец этих клонило в сон, и лишь вид менее удачливых собратьев, висевших на поручнях, не позволял расслабляться.

Двенадцатилетнему Кузьме Кузяеву было не до дремы – совсем неподалеку грозно рокотала кондукторша, требовала приобретать билеты, а денег у Кузьмы не было. Все его богатство лежало в прозрачном полиэтиленовом пакете: тетрадь, ручка, школьный дневник и учебник по математике. Пока Кузьма соображал, как бы ловчее выкрутиться, кондукторша вынырнула прямо перед ним и спросила:

– Ну что, молодой человек, за проезд платить будем?

Кузьма открыл было рот, но сказать ничего так и не смог.

– Ясно, – поняла кондукторша. – Деньги дома позабыл, да?

– Да...

– А совесть не позабыл?

Она застегнула сумку с деньгами и приготовилась выдворить зайца. А тут еще автобус, как назло, остановился. Двери открылись, в салон ворвался холод. Это действовало на женщину как-то странно: она вдруг замешкалась, глянула на испуганного мальчика, потом на окно, покрытое ледяным узором, поежилась и сказала:

– Ладно уж, езжай...

Через час он стоял на перроне городского автовокзала, стоял и испуганно озирался. Уезжая из дома, Кузьма был уверен, что уже вскоре его начнут искать, и едва он выйдет из автобуса, к нему подойдет добрый милиционер и скажет: «Кузьма Кузяев? Из Тумботино? Так-так... Что же ты, Кузьма, мать не жалеешь. Она уже с ног сбилась, тебя разыскивая». Но все оказалось совсем не так. Людей в милицейской форме вокруг было много, но никто не обращал на подростка ни малейшего внимания. Кузьма даже хотел подойти к высокому сержанту с автоматом наперевес и спросить, не его ли он высматривает в толпе, но в последний момент передумал.

«Раз уж занесло в город, надо хоть поглядеть, как тут люди живут», – решил он и спустился в подземный переход.

Жили здесь хорошо – это он понял сразу. Длинный переход был уставлен ларьками и палатками, где продавались бесчисленные яркие безделушки. Кузьма подолгу задерживался возле каждой палатки, с любопытством рассматривал диковинные вещицы. Особенно долго он стоял возле прилавков с детскими игрушками. Гоночные машинки, роботы-трансформеры, тетрисы, наклейки, сводилки, фишки – столько всего, что с ума сойти можно! Когда кто-нибудь из взрослых покупал что-то для своих детей, у Кузьмы к горлу подкатывал комок – обидно было.

Последнюю свою игрушку Кузьма получил почти год назад, на день рождения. Это был пружинный пистолет с пулькой-присоской. А сам он мечтал о мини-конструкторе «Лего-звездолет». Что поделаешь, пистолет был втрое дешевле.

Вспомнив о дне рождения, Кузьма крепко стиснул кулаки. В тот самый день отчим впервые поднял на него свою вонючую волосатую лапу. Он ударил, а мать смолчала. Вот с тех пор все и началось...

Семья Кузьевых ничем особенным в поселке не выделялась. Жили как все, не лучше и не хуже. В рабочие дни работали, в праздники гуляли. Бывало, что и выпивали лишнего, но такое в поселке случалось едва ли не с каждым. На сына своего Кузьму, в честь деда названного, родители особого внимания не обращали. Рос себе пацан и рос, учился хорошо, а по математике с физикой и вовсе был отличником. Но вот однажды приключился с Кузьмой странный случай. Осенью вместе с классом он пошел в лес собирать гербарий и заблудился. Искали его почти сутки и насилу нашли. Целую неделю после этого Кузьма буквально купался в родительском внимании. С тех пор, как только отец с матерью начинали забывать о сыне, он «исчезал». Обычно он прятался в заброшенном здании асбестового завода. Роль связного выполнял верный друг Андрюха Захаркин, сообщал, как идут поиски. Но как-то раз друг Андрюха принес черную весть: сказал, что дом их сгорел, а на пепелище обнаружены человеческие останки. Так Кузьма остался без отца. А вскоре появился ненавистный отчим.

– Эй, пацан, ты че тут трешься? – оборвал воспоминания чей-то голос. – Вали отсюда, пока не получил. Тут моя территория!

Угроза исходила от шуплого мальчугана лет одиннадцати или двенадцати, одетого в промасленную фуфайку, который только что просил прохожих «подать на хлебушек». Кузьма невольно улыбнулся.

– Че скалишься? – еще больше завелся тот. – Ща как дам в зубы!

Стычка с воинственным попрошайкой в планы Кузьмы не входила. Не говоря больше ни слова, он окинул подземное царство прощальным взглядом и выбрался наружу. Оказалось, его экскурсия по переходу продолжалась довольно долго: город уже накрывали сумерки, кое-где зажглись фонари и неоновые рекламы.

Кузьма даже испугался. «Может, лучше назад податься?» Он попытался представить, что сейчас делает мать. Плачет, ищет, волнуется? «Не фигу ее жалеть! – Кузьма дернул головой. – Пусть поплачет. Пусть поволнуется. Пусть решит, кто ей дороже: я или этот волосатый жлоб».

Итак, путешествие продолжалось. За разглядыванием красивых витрин незаметно пролетели еще несколько часов. Машин и людей стало меньше, магазины закрылись. Потом Кузьма принялся наблюдать за жизнью, закипающей в многочисленных ресторанах и кофейнях, однако вид жующих людей не прибавлял положительных эмоций – ведь последней пищей, побывавшей в его желудке, был бутерброд с маргарином на завтрак. И Кузьма решил, что пора вернуться к автовокзалу и сдать там первому же милиционеру.

Когда он спустился в знакомый подземный переход, там было безлюдно, почти все ларьки закрылись. Тем удивительнее было услышать за спиной:

– Стоять, пацан!.. Гони бабки!..

Кузьма узнал голос мелкого забияки в промасленной фуфайке. Тот явно нарывался на хорошую взбучку. Впрочем, повернувшись, Кузьма понял, что взбучка, пожалуй, грозит ему самому: рядом с задирой стояли еще трое ребят лет тринадцати, и их наглые ухмылки не предвещали ничего хорошего.

– Че тормозишь?! Бабки гони! – повторил долговязый подросток, очевидно, самый старший и главный в компании.

– У меня нет, – промямлил Кузьма.

– Ладно чесать-то, блин! – сплюнув, заявил долговязый. – Шнурок, обыщи!

Паренек в промасленной куртке ловко обшарил карманы Кузьмы и вынес вердикт:

– Пусто...

– А в пакете что?

– Щас позырим, – сказал Шнурок и, вырвав у Кузьмы пакет, подал его главарю.

Долговязый выгреб оттуда все, что было, и тщательно проверил на предмет денег. Ничего не найдя, он бросил взгляд на обложку дневника.

– «Ученика пятого класса Кузьева Кузьмы. Школа поселка Тумботино». Это где ж такой?

– Не знаю... Туда автобус ходит. Час надо ехать.

Долговязый присвистнул.

– А чего без бабок?.. Обратнo-то как поедешь?

– А я обратнo не поеду...

– Опа-на! – усмехнулся длинный. – Ты че, шмакодявка, из дому удрал?

– Да, удрал! – гордо ответил Кузьма.

Это его заявление вызвало дружный хохот у всей четверки. Противнее всех смеялся стоявший рядом Шнурок. Кузьму так и подмывало врезать ему по зубам.

– Ну, ты крутой, блин! – отсмеявшись, сказал долговязый. – И как же ты без предков жить собрался? Побираться, что ли, будешь? Или воровать?

– Не знаю еще...

Кузьме было стыдно признаться, что его бегство – чистое притворство, и если бы не эта встреча, он уже сидел бы сейчас в милиции и ждал отправки домой.

– А чего сбежал-то? – спросил один из подростков.

– Есть причина, – Кузьма вовсе не собирался рассказывать о своей жизни первому встречному.

– О, да ты, оказывается, в математике рубишь, – заметил долговязый, листая дневник. – Прикиньте, пацаны, по математике одни пятерки. И по физике тоже... Менделеев, блин!

– Менделеев – химик, – поправил Кузьма.

– Какая, хрен, разница, – усмехнулся долговязый и метко запустил дневником прямо в чугунную урну. Следом отправились тетрадь, учебник и пакет. При этом он приговаривал:

– Слушай сюда, химик. Здесь наша территория. Будешь тут ошиваться, отметелим так, что все цифры позабудешь. А теперь, блин, вали отсюда, да побы...

Вдруг он прервал на полуслове свою устрашающую речь и стал к чему-то прислушиваться. Его примеру последовали остальные, и Кузьма тоже. Возле входа в подземный переход явно что-то происходило. Скрипели автомобильные тормоза, хлопали двери, стучали тяжелые сапоги. Долговязый, как и положено главарю, первым понял, в чем тут дело:

– Зачистка, пацаны! – выпалил он. – Срываемся...

И все четверо, как по сигналу стартера, бросились наутек. Кузьма почему-то побежал за ними. Но далеко не убежал. Через пятнадцать минут все пятеро уже сидели в ближайшем отделе милиции.

«Потерянные» дети

Инспектор по делам несовершеннолетних Валентина Андреевна Глушенкова не очень-то жаловала массовые рейды накануне государственных праздников, когда малолетних бродяжек пачками отлавливали с улиц, нимало не думая, куда их потом девать. Конечно, саму идею борьбы с беспризорностью она поддерживала, но вот методы...

Впрочем, когда родной восемнадцатый отдел по самую крышу забит малолетками, уже не до рассуждений о целях и средствах. Нужно было работать, и Глушенкова работала, не разгибаясь. Ровно половина рабочего дня ушла на заполнение анкет и формуляров для приемника-распределителя. Большинство граф Валентина заполняла по памяти, поскольку знала едва ли не всех местных малолетних бродяжек. Она почти не сомневалась, что и после следующего рейда придется заполнять на них анкеты. И так будет продолжаться до тех пор, пока жизнь в спецприемниках, детских домах и приютах не станет лучше вольного промысла на городских улицах.

Выпроводив из кабинета последнюю, как ей казалось, порцию юных бродяжек, Глушенкова собралась перекусить, но не тут-то было: в дверь просунулась голова следователя Анатолия Панфилова.

– Валя, вот хорошо, что ты освободилась! – радостно воскликнул он. – Я тебе сейчас еще пятерых подкину. Их возле автовокзала подобрали...

Спустя минуту в кабинете сидело пять новых оливеров твистов. Впрочем, новыми их можно было назвать только условно – четверых Глушенкова хорошо знала. Это были «червяки», прозываемые так за то, что предпочитали жить под землей, в канализационном коллекторе близ автовокзала. Там же, возле автовокзала они зарабатывали на жизнь: попрошайничали и воровали по мелочам. Главным у них был долговязый Витька Пулякин по кличке Пуля. К нему она и обратилась с приветственным словом:

– Давно тебя, Витя, не было в моем кабинете. Да и друзей твоих тоже. Я уж подумала, что вы за ум взялись...

– А мы, Валентина Андреевна, давно по уму живем! Потому и под шмоны милицейские не попадали. Да и в этот раз не попали бы, если б не этот вот...

Пуля кивнул на сидевшего с краю худощавого паренька лет двенадцати.

– У вас новенький? – спросила Глушенкова.

– Нужен нам такой лошара! – воскликнул младший из подростков, Юрка-Шнурок. – Его менты по ошибке с нами замели.

– А как он с вами оказался?

Вопрос этот вызвал среди «червяков» сильное замешательство, и Глушенкова поняла, что дело тут нечисто.

– Ну-ка, вы четверо, марш из кабинета! – велела она «червякам». – Посидите пока в коридоре, а мы тут поговорим с глазу на глаз с... Как зовут вашего случайного знакомого?

– Кузя! – засмеялся Шнурок.

Остальные тоже захихикали, но в их смехе явственно слышалось напряжение.

– Значит, тебя зовут Кузьма? Я верно поняла? – спросила Глушенкова, как только «червяки» вышли в коридор.

– Да, – ответил подросток.

– А фамилия?

– Кузяев...

– Где ты познакомился с этими ребятами?

– В подземном переходе, рядом с автовокзалом.

– Давно?

– Вечером...

– Вот как... – Глушенкова помешкала. – И за такой короткий срок они уже успели прозвище тебе придумать?

– Чего тут придумывать – меня все Кузей зовут. И дома, и в школе...

– Значит, ты ходишь в школу, – Валентина обрадовалась: наконец-то ей попался вполне благополучный подросток. – А в какую?

– У нас в поселке всего одна школа...

– В каком поселке?

– В... – Мальчик вдруг замешкался. – Не скажу...

– Но почему? – удивилась Глушенкова.

– Не скажу – и все...

От прежней радости Валентины не осталось и следа. «Вот тебе, пожалуйста, очередной беглец! – подумала она. – От чего же ты сбежал? От родителей-алкашей, от нужды, от побоев, или просто в странствия потянуло?..»

Глушенкова стала припоминать домашние заготовки, припасенные для таких случаев, но тут из-за двери снова вынырнула голова Анатолия Панфилова.

– Валя, можно к тебе на минутку? – спросил он.

– Разве что на минутку, – разрешила Валентина.

Анатолий присел на свободный стул и спросил полусшепотом:

– Валя, ты помнишь, какой завтра праздник?

– День Конституции...

– А еще?

– Тебе мало? – улыбнулась Валентина, но тут же, поняв намек, стукнула себя по лбу. – Совсем забыла! Завтра же день рождения нашего дорогого начальника! Что дарить будем?

– Вопрос вопросов! – Панфилов воздел руки. – Мы тут с мужиками посоветовались насчет подарка, но консенсуса пока нет. В конце концов решили довериться единственной женщине, то есть тебе. Вот список...

Анатолий извлек из кармана небольшой лист бумаги и разложил перед коллегой.

– Пункт номер три, – едва глянув на листок, приговорила Глушенкова.

– Электрочайник, – удивился Панфилов. – Но почему? Мы склонялись к набору инструментов...

– Тоже мне, сыщики! – усмехнулась Глушенкова. – Наш шеф вот уже две недели рассказывает каждому встречающему, что у него дома случилось короткое замыкание и сгорел электрочайник. Что это, как не намек?

– Гениально! – воскликнул Анатолий и задумчиво взглянул на листок. – Тогда надо посчитать. Нас двадцать шесть человек, приличный чайник, я узнавал, стоит тысячу двести пятьдесят рублей. Сколько же выходит на одного? У тебя калькулятор есть?

Валентина порылась в столе, вынула и включила аппаратик. Но ответ пришел раньше.

– Сорок восемь рублей, – объявил Кузьма.

– Ага! И тридцать копеек! – недоверчиво усмехнулся Панфилов.

– Не тридцать, а семь, – уточнил подросток. – Просто я округлил. Думал, вас копейки не интересуют.

Глушенкова проверила подсчет юного математика на калькуляторе и удивилась.

– А ведь верно: сорок восемь рублей семь копеек, – сказала она. – А давай еще в делении поупражняемся?

– Легко...

– Сколько будет три тысячи пятьсот поделить на семьдесят девять?

– Сорок четыре целых и три десятых, – почти тут же ответил Кузьма.

– А семь тысяч триста на девяносто два?

– Семьдесят девять целых и тридцать четыре сотых.

– А в умножении ты так же силен? – спросил Панфилов, забирая у Валентины калькулятор.

– Умножать у меня получается еще лучше, – похвастался Кузьма.

– Сейчас проверим...

В течение получаса мальчик демонстрировал свое мастерство двум взрослым милиционерам. Иногда ошибался, но ненамного. В конце представления Панфилов заявил:

– С тобой, парень, хорошо в казино играть! Как ты это делаешь?

Подросток пожал плечами.

– Тебе бы в спецшколу с математическим уклоном! – сказала Глушенкова. – Твои родители об этом не думали?

– Нет... Роза Дмитриевна, училка по математике, в прошлом году куда-то звонила, но ей там сказали, что теперь у них только платное обучение.

– Значит, родители не могут платить за твое обучение?

– У меня одна мать. А отчим – жлоб, за копейку удавится!

После этих слов для Глушенковой многое прояснилось.

– Скажи, Кузьма, отчим к тебе плохо относится, да? Из-за него ты и убежал из дому? – спросила она.

Подросток ничего не ответил, но на глаза навернулись слезы.

– Ты не бойся. Я тебе обязательно помогу...

Говоря так, Глушенкова ничуть не лукавила. Она вправду хотела помочь, хотела и могла, иначе она не считалась бы одной из лучших в своей профессии. Но чтобы помочь, следовало досконально разобраться в причинах побега. И немедленно.

Валентина выразительно посмотрела на Анатолия, и тот тут же вышел.

– Вот что, Кузьма, садись-ка поближе, – сказала Глушенкова и достала из стола пакетик с соленым печеньем. – Будем пить чай и говорить по душам. Крекеры, надеюсь, любишь?

Червяки

Команда «отбой» прозвучала почти три часа назад, но Кузьма не спал. Все его прежние «исчезновения» редко длились более суток. Впервые в жизни Кузьма проводил время так долго вне домашних стен, да и в приемнике-распределителе тоже очутился впервые. Впечатлений была масса. Притворяясь спящим, Кузьма перебирал в памяти последние события. Все время вспоминался разговор с инспектором Глушенковой. И даже не сам разговор, а непринужденная атмосфера, царившая в кабинете. Кузьма уже и не помнил, когда в последний раз сидел с кем-нибудь из взрослых за одним столом, пил вкусный чай и запросто болтал о всякой всячине: об играх, о мечтах, о девчонках. Он не смог бы сказать, сколько длился этот разговор – час или два. Может быть, целую вечность...

– Эй, на верхней шконке? – вдруг донесся снизу голос неугомонного Юрки-Шнурка.

– Чего тебе? – лениво спросил Кузьма. Ему вовсе не хотелось ни с кем разговаривать, тем более с болтливым Шнурком.

– О чем это вы там так долго терли?

– Что терли? – не понял Кузьма.

– Ну, ты и тормоз! – фыркнул Шнурок. – Я спрашиваю, о чем ты базарил с инспекторшей? Нас, что ли, сдавал?

– Отстань от него! – вдруг донесся голос Пули. – Если б он нас сдал, мы бы сейчас не здесь, на шконках, расслаблялись, а в изоляторе, блин, парились.

– А чем же они там занимались целый час? – не унимался Шнурок. – Сексом, что ли?

Над шуткой засмеялись человек десять, не меньше. Кузьма и не думал, что вокруг так много бодрствующих.

– А инспекторша, между прочим, ничего! – заявил из темноты чей-то голосок, совсем еще детский. – Я б с ней зажег!

– Тоже мне! – усмехнулся Шнурок. – У тебя зажигалка то выросла?

Над этой шуткой засмеялось уже человек двадцать. Похоже, в помещении никто не спал.

– Знаю я, о чем они терли... по душам разговаривали! – сказал вдруг Пуля. – Только фигня все это! Мусора, блин, все одинаковы. Чаем напоят, пожрать дадут. Притворятся, что ты дороже всех на свете. Все выпросят, все разнюхают, а как анкетку заполнят, так и с глаз долой.

Услышав это, Кузьма содрогнулся. Его отношение к инспектору Глушенковой дало трещинку.

– Ты, Кузя, ментам не верь, – продолжал Пуля. – Ты для них не человек, а цифра в отчете. Записали тебя, завели карточку – вот и помогли. Верно, пацаны?

– Правильно! Точно! Так и есть, в натуре! – слышалось со всех сторон.

– Слышал, Кузя? Все пацаны согласны! Так что не будь лохом. Выкинь, блин, из башки, что инспекторша наговорила... Че она там тебе плела? Типа, завтра она свяжется с твоей любимой мамулей, а та обрадуется, приедет за тобой и заберет домой? Угадал?

– Да...

– Ага, щас! – рассмеялся Пуля. – Завтра и послезавтра – нерабочие дни. В праздники ради тебя никто напрягаться не станет! Так что париться тебе здесь суток трое, блин! И вообще, еще вопрос, нужен ли ты своей мамаше. Ты ведь из дома нарезал не от хорошей жизни?... Да ведь, Кузя? Колись давай, че в бега подался?

Кузьма не мог ничего сказать. Он с трудом сдерживал слезы.

– Ну, не хочешь говорить, блин, как хочешь...

– А у меня родители в автокатастрофе погибли, – сказал чей-то голос из темноты. – Они на «бумере» с Юга летели под сто двадцать, а им на встречу – «Камаз»...

– А может, они у тебя космонавты? Учесали в космос и пропали? – язвительно спросил Шнурок.

– Ты че, не веришь? Думаешь, я впариваю?!

– Ясно, впариваешь!

– Кто? Я?!

– Ага.

– Да пошел ты!

– Сам поди.

– Щас получишь!

– Сам получишь!

Над головой Кузьмы пролетел какой-то предмет и с грохотом упал на пол. Тут же что-то полетело в ответ, и началась настоящая баталия. Взад-вперед летали табуретки, подушки, одежда, ботинки, одеяла и даже матрацы. Когда сражение достигло апогея, кто-то сдернул Кузьму с верхнего яруса и уложил на пол. На опустевшее место тут же спикировала увесистая тумбочка.

– Ты че, с головой не дружишь? – спросил неизвестный. – Щас бы тебя размазали по койке, как дерьмо по асфальту!

Присмотревшись, Кузьма опознал в своем спасителе одного из «червяков», Никиту по прозвищу Тит.

– Спасибо, – сказал он.

– Забудь это слово, – сказал Тит. – «Спасибо» только лохи говорят. Пацаны говорят «благодарю». И вообще, держись ближе ко мне и Пуле, а то быстро схавают. Усек?

– Да... Усек...

Вдруг вспыхнул свет. Зазвенела решетка, и в помещение вошел здоровенный усатый милиционер.

– Что еще за бардак, мать вашу! – заорал он. – А ну, прекратить!

Метко пущенный кем-то ботинок сбил с него фуражку.

– Ну, засранцы, вы у меня сейчас попляшете! – пригрозил усатый и ушел, заперев решетку.

– Щас «веселых ребят» позовет, – сообщил Тит. Спрашивать, что это за «веселые ребята», не понадобилось. Уже через полминуты в комнату ворвалось человек десять в камуфляже и с резиновыми дубинками.

– Лезь под койку, – скомандовал Тит.

Кузьма послушался, и Тит залез следом. Помимо них, под кроватями уже обретались: зачинщик беспорядков Шнурок, Пуля и четвертый из «червяков», Мишка Макуха.

– Все, пацаны, щас начнут искать, кто кипиш поднял! – испуганно сказал Шнурок.

– Пара дней в изоляторе тебе не повредит, – ухмыльнулся Тит. – Нечего было выделяться.

– Пуля, я не хочу в изолятор, – заныл Шнурок. – Там холодно. Может, придумаем чего? Пусть вон Кузя паровозом идет. Ему все равно через пару дней на мамкины харчи...

Перед лицом Шнурка возник массивный кулак Тита.

– А это вот видел? Сам накосячил, сам и расхлебывай.

– Пуля, чего он? Скажи...

– Отвяжись!

Пуля внимательно следил за тем, что творится возле решетки. Там «веселые ребята», орудуя дубинками, постепенно восстанавливали «конституционный порядок».

– Во пруха, блин! Менты решетки запереть забыли, – сказал Пуля. – Берите шмотки и ползите за мной.

Он быстро нырнул под соседнюю кровать. Остальные «червяки» и Кузьма последовали за вожаком. По пути к ним присоединилось еще несколько подростков. Если глядеть сверху, они и впрямь напоминали ползущего по полу гигантского червя. Конечно, их вскоре заметили милиционеры.

– Вася! Решетку! Решетку закрой! – крикнул кто-то.

Таиться больше не было резона, и ползущие мигом обратились в бегущих. Первым проскочил Тит, за ним Макуха, потом Пуля, Шнурок, Кузьма, а там и шестой, седьмой, восьмой... Перед девятым решетка захлопнулась. Лестница из пяти ступенек, коридор, подсобка, окно – все это они миновали одним духом и – очутились на свободе.

Оказавшись на улице, Кузьма замешкался. Он вдруг вспомнил инспектора Глушенкову – она ведь обещала помочь. Но задумался он лишь на миг. Пьянящий воздух свободы погнал его прочь. Он бежал, петляя по улицам и дворам, совершенно не чувствуя усталости, и остановился лишь тогда, когда услышал позади жалобный зов:

– Кузя, стой!.. Сто-ой... – Харкая и держась за печень, за ним ковылял Шнурок. – Ну, ты прям спортсмен, – сказал он, отдуваясь. – Не утонишься за тобой. А где все пацаны?

– Не знаю...

– А что это за район?

– Тоже не знаю...

– Я тут, кажись, еще не бывал... – Шнурок задумчиво огляделся. – Ничего, разберемся.

Разбираться пришлось долго. Около часа они бродили меж девятиэтажных коробок, по совершенно одинаковым на вид дворам, пока Шнурок наконец не сказал:

– Вон п-памятник. От него и д-до нашего «офиса» нед-далеко... – У Шнурка зуб на зуб не попадал.

Только теперь Кузьма понял, что промасленной фуфайки на нем нет. Видно, забыл впопыхах при побеге.

– На, надень, – сказал Кузьма, снимая с себя куртку.

– А ты?

– Будем греться по очереди...

Минут через сорок они добрались до «офиса», который в простонародье именовался канализационной шахтой. Возле нее, нервно покуривая, топтались остальные «червяки».

– Шнурок, ты че, блин, как долго? – строго спросил Пуля. – Мы уж думали, тебя снова замели.

– Как же, заметут они меня! – отмахнулся Шнурок. – Закурить дайте.

– Держи, – Пуля протянул ему пачку. – Его-то зачем с собой притащил?..

– А куда ему податься? – сказал Шнурок, прикуривая. – Да ты, Пуля, не ведись. Кузя, вроде, ничего пацан.

«Червяки» удивленно переглянулись. От Шнурка они таких слов явно не ожидали.

– Ладно, – кивнул Пуля, откидывая тяжелую чугунную крышку. – Милости просим к нам в «офис», блин...

Спустившись по узкому и довольно длинному колодцу, Кузьма оказался в просторном бетонном помещении, освещенном керосиновой лампой, посреди которого лежали две огромные трубы, обложенные стекловатой. Очевидно, это были трубы теплотрассы – от них исходило приятное тепло. По стенам шел затейливый узор из ржавых труб меньших диаметров, оснащенных множеством вентилей и задвижек. Единственная свободная и ровная стена была облеплена фотографиями автомобилей и голых красоток, пол же устилал пружинистый ковер

из разобранных картонных коробок. Кузьме показалось, что откуда-то справа доносится плеск воды, но прислушаться он не успел. Кто-то пихнул его в спину.

– Блин, че столпился-то! – сказал Пуля. – Проходи, присаживайся. Шнурок, чаю завари! Кузьма уселся на пол, прислонившись к теплой трубе.

– К трубе не прислоняйся, – предупредил Пуля. – Стекловата, блин. Завтра будешь чесаться, как шелудивый пес.

Перебравшись на новое место, Кузьма вновь услышал плеск. Он стал прислушиваться и присматриваться.

– Здесь рядом, метрах в пяти-шести, канализационный сток, – объяснил Тит, заметив, как озирается Кузьма. – У нас есть туда лаз, прямо за твоей спиной. По нему мы от ментов срываемся...

Пуля наградил товарища суровым взглядом. – Да ладно тебе, – отмахнулся Тит. – Тоже мне, военная тайна...

Кузьма повернул голову и увидел выдолбленную в бетоне круглую дыру диаметром не больше полуметра. Дыра была заткнута тряпкой. Кузьма машинально потянул за клок, и тряпица легко вывалилась из дыры, открыв черную горловину. В нос ударил гнусный запах, и Кузьма поспешно вернул затычку на место.

– Там же узко, – сказал он. – Человек нипочем не пролезет...

– Взрослый не пролезет, – уточнил Тит. – А вот мы – запросто.

Кузьма сильно сомневался, что сможет туда залезть. Аесли бы и залез, так умер бы от страха где-нибудь на полпути. Тут сверху как снег на голову – в буквальном смысле – свалился Шнурок. В руках у него был горячий котелок.

– Доставайте кружки, пацаны! Чай поспел!

Команда Шнурка положила начало сказочным превращениям. Из красивой и прочной картонной коробки от японского телевизора тут же собрали стол. На столе появились продукты, большинство из которых Кузьма видел только в телевизионных рекламах: кексы, печенья, рулеты, чипсы, орешки, шоколадные батончики. Ему даже подумалось, что «червяки» недавно подлюмали продуктовый ларек.

– Хавай, Кузя, не стесняйся! – пригласил Пуля, а Шнурок сунул ему большую кружку с чаем.

Первым делом Кузьма решил попробовать чипсы с усаым мужиком на этикетке. Он знал, что они стоят дорого, поэтому никогда не просил их ни у матери, ни уж тем более у отчима. Чипсы оказались вкусными, но со странным керосиновым привкусом. Он обнюхал коробку, потом свои руки. Запах шел именно от них.

– Тряпка, которую ты хватал, пропитана керосином, – пояснил сидевший рядом Тит.

– А зачем?

– Крысы его не любят.

– Крысы?! – испугался Кузьма. – Тут есть крысы?

– Приходят иногда из канализации, – спокойно сказал Тит.

Кузьма продолжил трапезу, но уже с меньшим удовольствием. Ему казалось, что за спиной кто-то ползает. Впрочем, чаепитие было недолгим, и это несколько удивило Кузьму. Он ожидал бурного обсуждения перипетий последних дней. Событий ведь хватало: и арест, и КПЗ, и отдел, и спецприемник, и побег. Но все это, видимо, было так привычно «червякам», что все обсуждение ограничилось парой колких шуточек в адрес нерасторопных милиционеров. Минут через пятнадцать все разбрелись по импровизированным картонным койкам. Кузьма постарался пристроиться подальше от дыры. Он собирался не спать до самого утра, чтобы в случае чего дать крысам отпор, но едва закрыл глаза, как тут же и провалился в сон.

«Потерянные» родители

Если смотреть со стороны, выходной день у инспектора Валентины Глушенковой выглядел довольно странно. Ровно в девять она явилась на работу, что само по себе подозрительно, просидела в своем кабинете почти два часа, пару раз позвонила по телефону, после чего вышла на улицу, купила в ближайшем киоске журнал и снова вернулась в кабинет. Когда перевалило за полдень, дежуривший по отделу капитан Панфилов не выдержал и постучался к Глушенковой.

– Входи, Толя, – Валентина встретила друга улыбкой. – А я-то все думала, когда же ты ко мне явишься!

– Ты случайно не...

– У меня все нормально, – поспешила заверить хозяйка. – С мужем не ругалась, ремонт не затевала и очень бы хотела провести выходной дома.

– Так почему же ты здесь? – удивился Панфилов.

– У меня на девять была назначена встреча. Я так думала...

– А с кем?

– С родителями одного мальчика...

– Случайно, не юного ли математика?

– Его самого, – Глушенкова тяжело вздохнула. – Не понимаю, почему их нет до сих пор. Я вчера позвонила участковому в Тумботино и сообщила, что мальчик нашелся и его можно забрать сегодня в девять. Тот, кстати, сильно удивился. Оказалось, никто не заявлял о пропаже.

– Не повезло парню, – вздохнул и Панфилов. – Кто у него родители? Конченные алкоголики?

– Нет, но, как сказал участковый, сложные...

– А может, он просто забыл сообщить или время перепутал?

– В том-то и дело, что не забыл и не перепутал. Я недавно звонила, проверяла.

– Празднуют, наверное, – предположил Анатолий. – А чего ты так волнуешься? Ну, посидит твой математик пару дней в распределителе. Ничего с ним не случится.

– Понимаешь, Толя, я ему слово дала, что завтра... то есть уже сегодня, он будет на свободе. А еще я обещала разобраться с его излишне активным отчимом.

– Что, бьет парня?

– Причем регулярно! – Глушенкова стиснула кулаки. – Но ничего, у меня к таким бойцам подход имеется!

Тут в дверь робко постучали.

– Войдите, – сказала Валентина.

В кабинет зашла женщина неопределенного возраста в старом, но хорошо сохранившемся цигейковом полушубке, шали и ботах «прощай, молодость».

– Я по поводу сына... Кузьева Кузьмы, – сказала она.

– Раздевайтесь, проходите, садитесь...

Пока гостя снимала верхнюю одежду и располагала ее на вешалке, Панфилов тихо удалился.

– А где ваш муж? – спросила Валентина. – Я же просила приехать с ним.

– Федя немного приболел. У него легкие очень слабые.

«Зато руки слишком даже сильные! – подумала Валентина. – Хотя, на что я надеялась? Все эти кухонные бойцы смелы только с беззащитными. А как только на горизонте замаячит милиция, они либо отбывают в важные командировки, либо заболевают».

– А когда у вашего Федора закончится больничный? – спросила Глушенкова.

– Больничный?.. – Женщина растерялась. – Так ведь не брал он больничный-то. Дома хворает. Травмами лечится и горчичниками.

Но Глушенкова и не думала отступать.

– Значит, через пару дней он сможет ко мне приехать? – спросила она.

– Наверное...

– Вот и замечательно. – Валентина достала из стола казенный бланк. – На всякий случай, чтобы ваш муж не запамятовал, я выпишу ему повестку, а вы передадите. Договорились?

– Да...

С минуту гостя испуганно наблюдала за тем, как Глушенкова выписывает повестку, но потом набралась смелости и спросила:

– А зачем вам Федя то?

– А вы разве не догадываетесь?

Из рассказа Кузьмы Глушенкова знала, что как бы сильно ни бил его отчим, каким бы пустяковым ни был повод, мать всегда находила этому оправдание. Валентина не понимала, откуда берутся такие вот матери, но знала, что такая порода есть, причем довольно многочисленная. Сейчас следовало ждать самых невероятных оправданий. Так и вышло.

– Так ведь он не со зла, – начала защитительную речь женщина. – Федя к Кузьме относится как к сыну родному, а он, словно волчонок какой-то, невзлюбил отчима с самого первого дня. А за что – непонятно. Федор и материально о нем заботится, и в воспитании участвует. Наказывает иногда, что правда, то правда. А как без этого? Без твердой мужской руки мальчишку разве воспитаешь? Нас вон с сестрой отец в детстве драл – и ничего, выросли не хуже других!

– Так то родной отец, а не чужой дядька, – заметила Глушенкова, закончив писать повестку.

– А Федя вовсе и не чужой, – собеседница явно входила в раж. – Я ж говорю вам, он к Кузьме как к сыну. А что строг с ним, так это правильно. Федя – человек справедливый. Просто так руку не поднимет. И потом, Кузьма сам не подарок. То нахулиганничает, то двойку из школы принесет. Опять же из дома сбегает...

– А по каким предметам Кузьма получает двойки? – поинтересовалась Валентина.

– По всяким. По русскому, по математике, по этой... как там ее... физике...

Валентина смотрела на собеседницу с удивлением. «Господи, бывает же такое! Это ж надо настолько не интересоваться собственным ребенком». Если бы перед Глушенковой сейчас сидела горемыка-пьяница, чьи жизненные интересы давно на дне бутылки, все было бы ясно. Но ведь нет: в глазах женщины еще теплится разум, а сердце еще способно любить. Только вот любовь эта распределена как-то уж слишком несправедливо – мужу все, а сыну ничего. Именно это и угнетало Глушенкову. По опыту она знала, что в девяноста из ста подобных случаев ребенок, оказавшись вне дома, уже никогда туда не возвращается. И дело тут не в побоях и издевательствах ненавистных мачех или отчимов. Просто дети не умеют прощать предательство.

– А где Кузьма то? – спросила женщина.

– В приемнике-распределителе, – ответила Валентина. – Это недалеко. Я вам выпишу постановление и пропуск. Паспорт у вас с собой?

Женщина пошла к вешалке, где висел полушубок. Очевидно, паспорт лежал в нем. Глушенкова ждала, когда та извлечет документ, но тут случилось неожиданное.

– Я паспорт дома забыла, – заявила вдруг женщина.

– Но без удостоверения личности вам мальчика не отдадут! – сказала Валентина. Странно, но в глазах гостьи она прочла облегчение.

– Тогда, может, я за ним завтра приеду?

Глушенкову словно током дернуло. Она много раз слышала эту фразу, и слово «завтра» в таком контексте означало «никогда». Первым ее порывом было встать из-за стола, вынуть из полушубка паспорт и отхлестать им непутевую мать по лицу. Но гнев быстро утих, уступив место жалости к забитой, безвольной женщине.

– Может, Кузеньку в какой интернат определить? – жалобно, чуть не плача, пробормотала гостья.

Валентина красноречиво молчала.

– Знаю, что вы обо мне думаете: завела хахалю и теперь от обузы хочет избавиться. А ведь не так это! Я их обоих люблю. И сыну только добра желаю. Мы ведь все вместе уже сколько живем, и никак они с Федей не поладят. А у Феи нрав суровый. Боюсь, не случилось бы беды...

– Так бросьте этого Федора и живите с сыном вдвоем! – посоветовала Валентина.

Женщина чуть подалась вперед, видимо, хотела что-то ответить, но тут же и передумала. Время шло, а она все молчала. Глушенкова поняла: кого бросать, а с кем жить, она уже давно выбрала. И, может быть, это даже к лучшему. Валентина представила жизнь Кузьмы по возвращению домой. Первое время отчим, конечно, не станет трогать мальчика, побоится, но рано или поздно сорвется. Вновь начнутся побои, причем с каждым разом бить будет все сильнее и сильнее. И самое ужасное, что безвольная мать не будет перечить. Скорее уж наоборот, постарается оправдать наказания воспитательными соображениями. А Кузьма рано или поздно возненавидит не только отчима, но и мать. А тут уж и впрямь до беды недалеко.

«Но что делать? – спросила себя Валентина. – Не отдавать же мальчика в приют. Должен быть какой-то другой выход!.. А если упечь садиста в тюрьму?.. Нет, вряд ли это хорошая мысль. Тогда уже мать возненавидит сына. Да и вряд ли удастся что-нибудь доказать. Ведь единственный свидетель будет на стороне тирана».

Прокрутив в голове несколько вариантов возвращения Кузьмы к родным пенатам, Глушенкова с ужасом поняла, что приемлемого среди них просто нет. А в этом свете просьба матери пристроить сына в интернат выглядела не такой уж безнравственной.

«К тому же, интернаты разные бывают, – рассуждала Валентина. – Есть, например, интернат для одаренных детей, а Кузьма, несомненно, одарен. Там очень приличные бытовые условия и великолепные преподаватели. И Кузьма сможет по-настоящему развить свой математический талант».

Валентина не успела порадоваться решению – из-за двери выглянул капитан Панфилов.

– Валя, можно тебя на минутку? – попросил он.

Глушенкова вышла в коридор.

– Только что звонили из приемника-распределителя, – сообщил Панфилов. – У них там ЧП – убежали восемь подростков. Среди них и твой математик.

– Вот так сюрприз! – Глушенкова ушам своим не верила. – А они там ничего не напутали?

– Нет, все точно, – ответил Анатолий, протягивая коллеге журнал регистрации происшествий. – Вот список беглецов.

– В хорошенькой же компании он оказался! – досадливо поморщилась Валентина, прочитав список. – А когда был побег?

– В половине первого ночи.

Валентина невесело улыбнулась.

– Кузьма оказался на свободе даже раньше, чем я ему обещала. Хоть одна приятная новость сегодня...

Скажи детству «прощай»

Новый день в стане «червяков» начинался не с утренней зарядки и не с чашки бодрящего кофе, а с сигареты. Покурить натошак любили все четверо, так что Кузьма проснулся в клубах едкого дыма. Едва он открыл глаза, как услышал вопрос Пули:

– Кузя, курить будешь?

– Я не курю, – ответил он.

Пуля посмотрел на него так, будто увидел инопланетянина.

– Ну, ты даешь, блин...

Через пару минут все уже были на поверхности. Утро было ясным, из-за домов пробивались солнечные лучи. Не будь на календаре середина декабря, этому можно было бы порадоваться, но зимой яркое утреннее солнце означало только одно – сильный мороз. Первым его ощутил Шнурок, оставшийся без верхней одежды.

– Ни фиги себе... жара! – невесело пошутил он.

– А че ты наверх вылез? – спросил Пуля. – Посиди покуда внизу. А мы шас сгоняем куда-нибудь и сообразим тебе новый прикид!

– Где вы без меня фуфайку найдете?

– А тебе обязательно фуфайка нужна? Куртка не пойдет?

– Не пойдет, – замотал головой Шнурок. – В фуфайке у меня вид жалостный, лучше подадут!

– А без одежды еще жалостней! – неожиданно для всех и для себя самого сказал Кузьма. – Ходи так, и подавать будут еще лучше!

Все заулыбались, а Шнурок насупился. Обиделся, похоже.

– Не дуйся, – примирительно сказал Кузьма. – Я же пошутил!

Но Шнурок, оказывается, и не думал обижаться.

– Пацаны, это ж клевая идея! – весело заявил он. – Кузя – голова! Сто очков, что без одежды подавать будут лучше! Прикиньте, какую можно задвинуть разбодяжку! «Дяденька, тетенька, – плаксиво заныл он, – хулиганы куртку отобрали, помогите чем сможете!»

– Круто, блин! – восхитился Пуля. – На такую фишку любой поведется! Только без одежды быстро заколеешь!

– А пусть кто-то ходит неподалеку и носит мою фуфайку, – нашелся Шнурок. – Бабки сшибу – оденусь, а увижу лоха подходящего – тут же снова разденусь!

– И кто за тобой ходить будет? – поинтересовался Тит.

– Да вон хоть Кузя! Его ведь идея...

Все вопросительно посмотрели на Кузьму.

– Я не против, – тихо сказал он.

– Зашибись! – воскликнул Шнурок. – А теперь погнали скорей за фуфайкой. Я знаю, где ее можно надыбать. Тут недалеко...

Фуфайку добыли быстро – за десять минут, из которых девять заняла дорога до магазина «Спецодежда и инструменты». Выглядело это так. Едва компания оказалась возле магазина, Шнурок заглянул в окошко и подозревал Пулю.

– Смотри, фуфайки вон там с краю висят, рядом с камуфлированными куртками.

– Вижу, – ответил Пуля.

– Только размер бери поменьше...

– А это уж, блин, как получится, – сказал тот и направился в магазин.

«Червяки» отошли на приличное расстояние, спрятались за забором и стали ждать. Примерно через минуту из магазина выскочил Пуля с чем-то большим в руках. Следом выбежали два неуклюжих охранника.

– Во придурки! – сказал Шнурок. – Пулю догнать захотели!

Действительно, Пуля летел так, будто его выпустили из автомата. Взрослые это быстро поняли и остановились, пробежав метров триста.

– Все равно поймает! – крикнул один из них.

– Идешь ты и пляшешь! – весело отозвался Пуля, заворачивая за забор.

Получив обновку, Шнурок тут же надел ее на себя и завопил: – Пуля, ты че за хрень принес?! Я ж фуфайку просил!

Все заулыбались. Вместо фуфайки Шнурок был облачен в камуфлированный бушлат военного образца, причем преогромный.

– Теперь у нас есть собственный омовонец! – сказал Тит. – Будем документы проверять и шмоны устраивать!

– Да пошел ты! – обиделся Шнурок, стягивая бушлат.

– Не дури! – остановил его Макуха. – Бушлат клевый! Мой батя когда-то такой же носил. В нем тепло, как в печке! Побегашь раздетый по морозу, так тебе как раз такой и понадобится.

Против резонных доводов Шнурок возражать не стал и не без удовольствия закутался в теплый бушлат.

– Все, пацаны, хорош порожняки гонять! – сказал Пуля. – Пора, блин, работать.

Минут через двадцать «червяки» уже были на своих рабочих местах. Тит обосновался возле касс автовокзала, изображая несчастного подростка, которому не хватает сущей мелочи на билет в далекий город, где его ждет больная мать. Макуха неподалеку прикидывался сыном участника какой-то вымышленной войны, собирающим деньги на лечение для отца-инвалида. При этом он так точно описывал боевые подвиги, якобы со слов отца, что «разводил» даже военных. Пуля не побирался, поскольку был «в авторитете», то есть воровал по мелочи и защищал младших собратьев от наездов. Все это рассказал Кузьме Юрка-Шнурок, чье место было в подземном переходе. Еще недавно Шнурок просто ходил и приставал к прохожим с примитивной просьбой «подать на хлебушек», но сейчас перевоплотился в раздетого хулиганами и продрогшего насквозь мальчугана и был этому несказанно рад. После очередной удачной «операции» он подбежал к Кузьме, завернулся в теплый бушлат и дрожащим то ли от холода, то ли от радости голосом сказал:

– Прикинь, Кузя, мне щас одна крутая тетка штукарь отвалила! А сперва даже хотела отвести меня на рынок и куртку мне купить. Еле отговорил.

– А почему сейчас зимние куртки? – спросил Кузьма.

– Штуки полторы-две, наверное.

– Так чего ж ты отказался?

– А на фига мне еще одна куртка? – удивился Шнурок.

– Ее же можно сдать обратно и деньги получить. Только для этого чек нужен.

– Во лоханулся! – сплюнув, сказал Шнурок. – Молодец, Кузя! Котел у тебя варит.

Одержимый идеей сверхприбыли, Шнурок сбросил бушлат и помчался догонять щедрую женщину. Вернулся он через полчаса в добротной стеганой куртке с капюшоном.

– Ну, как тебе мой прикид?

– Улет! – с некоторой завистью сказал Кузьма. Шнурок вынул из кармана чек и, покрутив им перед лицом товарища, заявил:

– Две!

– Чего две? – не понял Кузьма.

– Куртец стоит две штуки! – пояснил Шнурок. – Пошли за бабками.

– А может, оставишь куртку себе?..

Шнурок ненадолго задумался, а затем сказал с грустью:

– Прикинь, на рынке продавцы приняли эту тетку за мою мать. А сама она меня все время Юрочкой называла. Так клево было! Моя мамашка меня Юрочкой сроду не называла – все Юрок да Юрок. А когда напьется – ЮрикШнурик. И за покупками со мной никогда не ходила...

По щеке Шнурка пробежала слеза, потом еще несколько. Он быстро вытер лицо, сурово глянул на Кузьму и сказал:

– Скажешь кому про это – убью! – Он медленно снял куртку и облачился в бушлат. – Пошли за бабками...

Когда рабочий день закончился, общая выручка «червяков» составила пять тысяч шестьсот сорок четыре рубля. Такой суммы «червяки» давно не зашибали. Основную долю поступлений в общую казну обеспечил творческий дуэт Шнурка и Кузьмы.

– Вы бы видели этих чудиков на рынке, когда я им сказал, что папаше не понравился цвет куртки! – делился Шнурок подробностями удачного дельца. – Во у них рожи-то были! Скажи, Кузя?

– Да, были...

– Кузя, ты че невеселый? – спросил Шнурок. – Тоска, что ли, заела? К мамке с папкой потянуло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.